

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

Е.А. ГЛУЩЕНКО

РОССИЯ
В СРЕДНЕЙ
АЗИИ

■
ЗАВОЕВАНИЯ
И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

**Е. А. Глущенко.
Россия в Средней Азии.
Завоевания и преобразования.**

Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования

Часть первая. Завоевание края

Хивинский поход

На очереди была Хива. Небольшое ханство с населением, насчитывавшим 300–400 тысяч душ, удобно расположилось в плодороднейшем Хорезмийском оазисе. Это государственное образование занимало важное стратегическое положение, контролируя низовья судоходной Амударьи. Через Хиву путь лежал в Афганистан и Индию; ее нельзя было обойти, так как это был оазис в центре безводных пустынь. Природой изолированное маленькое государство, правители и жители которого имели самые смутные, причудливые представления об окружающем мире и своем месте в нем, с давних пор занимало заметное место в политико-экономических комбинациях российских властей.

Всерьез Хивой занялись при Петре Великом. В 1714 г. царь прознал о золотоносных песках в верховьях Амударьи и о возможности разрушить плотину, которой хивинцы перегородили старое русло Амударьи, направленное в Каспийское море, и повернули реку в Арал. Сделано это было ради повышения безопасности ханства.

Царь понимал, что перед Россией открываются блестящие перспективы: во-первых, богатые золотоносные пески на реке, а во-вторых, организация сквозного пути из Западной Европы в Индию по территории России и контролируемым русскими землям в Средней Азии. Трансевропейский и трансасиатский водный путь в Индию, которую тогда англичане еще не успели прибрать к рукам – только-только еще заглывали по кусочку. Хива же была на этом пути азиатским Шлиссельбургом – ключевым городом.

Петр, как обычно, реагировал мгновенно: уже 29 мая 1714 г. пользовавшийся особым доверием Государя кабардинский князь, гвардии капитан-поручик Александр Бекович-Черкасский получил именной Царский указ о снаряжении экспедиции в Хивинское ханство, имея предлогом поздравить новоиспеченного хивинского владетеля Ходжи-Мухаммеда с его вступлением на трон. В инструкции Бековичу было записано: «Надлежит над

гаваном (то есть гаванью. – Е. Г.), где бывало устье Амударьи реки, построить крепость человек на 1000, ехать к хану хивинскому послом, а путь иметь подле той реки и осмотреть прилежно течение оной реки, тако же и плотины. Ежели возможно, оную воду паки обратить в старый ток, к тому же протчая устья запереть, которые идут в Аральское море и сколько в той работе потребно людей...»

С экспедицией князя Бековича-Черкасского должны были отправиться офицеры-разведчики, одному из которых, поручику Кожину, поручалось идти с торговым караваном под видом купца с грамотой к Великому Моголу, следуя насколько было возможно вверх по Амударье и нанося свой путь на карту.

Отряд Бековича выступил в поход (после долгой подготовки и рекогносцировки) в конце апреля 1717 г., имея численность 3650 человек, из них 2 тысячи – солдаты и казаки. Была артиллерия – семь пушек. Сила немалая.

Случилось то, что и должно было случиться. Русских людей частью перебили, частью обратили в рабов. Хивинцы уничтожили конвой князя Черкасского, а его самого обезглавили перед ханским дворцом. Трагедия произошла 29 августа 1717 г. Очень немногие спаслись бегством и добрались до родных краев. Вернулся живым и поручик Кожин, который сообщил, что не обнаружил следов старого русла Амударьи.

Торговые и дипломатические сношения России с Хивинским ханством в XVIII в. имели эпизодический характер. Торговый путь через Хиву по-прежнему был небезопасен, и не многие отчаянные головы из купцов решались рисковать животом и товаром на берегах Амударьи. Хива же продолжала бросать Российской империи вызов за вызовом.

Особенно болезненной была проблема похищения людей из пограничных российских районов в результате разбойничьих набегов казахов и туркмен с последующей продажей пленных на невольничьих рынках Хивы и Бухары.

В новых условиях Хива стала ощущаться как заноза: нормальной торговле мешает, свои рынки не раскрывает, уводит людей в плен, облагает налогами российскоподданных кочевников, подстрекает их к неповиновению русским властям, ведет тайные переговоры с английскими эмиссарами. Пышный букет претензий. Пришла пора принять хивинский вызов.

В 1839 г. в Петербурге созрело решение Хиву наказать. Операция была поручена оренбургскому генерал-губернатору В.А. Перовскому. К середине октября 1839 г. почти все приготовления были закончены: в Оренбурге собрали

экспедиционный отряд в составе около 4250 военнослужащих при 18 орудиях и 2060 возчиков и погонщиков верблюдов из казахов и киргизов. Испугавшись летней жары, выступили под зиму, но сильно просчитались. Предполагалось, что снег в безводной пустыне станет заменой воды, но оказалось, что глубокий снег при сильных морозах даже для хорошо экипированных и привычных русских людей – непреодолимая преграда к продвижению вперед. Оказалось, что верблюд – существо нежное и падает, да и саней не взяли – груз катили на колесах. Снега, бескормица, а потому падеж верблюдов, повальная цинга и другие болезни остановили экспедицию, прошедшую до цели чуть более трети пути. Перовский повернул вспять. Во время почти восьмимесячного пребывания в степи экспедиционный отряд лишился умершими 1054 человек, потерял 10 тысяч верблюдов и 8 тысяч лошадей; на обратном переходе вынужден был бросить и истребить значительные запасы продовольствия.

Неудача большой и весьма неплохо экипированной экспедиции Перовского имела следствием окрепшее представление, как в России, так и в Хиве, о недоступности Хивинского оазиса. Особенно большое значение этот неуспех русских имел для хивинцев, уверовавших в свою недосыгаемость, а потому и безнаказанность.

Как уже говорилось, вступив в должность в ноябре 1867 г., К.П. Кауфман направил письмо хану Хивы, но получил дерзкий ответ от его первого министра, а тем временем хивинцы и состоявшие в вассальной (номинальной) зависимости от хана несколько туркменских племен, в том числе иомуды, продолжали разбойничать в русских степях. Поводом к антироссийской агитации стало новое Положение об управлении кочевниками в степях Оренбургского генерал-губернаторства. Агитаторы из Хивы объясняли кочевникам, что сначала их переписут (перепись была предусмотрена новым Положением), затем заставят строить постоянные села, отказавшись от перекочевков, насильственно обратят в другую веру, а там уж будут брать в солдаты. Такие перспективы пугали и возмущали степняков.

Беспорядки в оренбургских степях отразились на туркестанцах: Ташкент и другие русские гарнизонные города оказались отрезанными от империи, так как было нарушено движение по почтовому тракту Оренбург – Ташкент вдоль несудоходной Сыр-дарьи. В эти годы (1868–1869) стало очевидным, насколько новый военный округ зависим от этого почтового пути и как легко он может быть изолирован.

Ко всем хивинским прегрешениям добавились и ставшие известными туркестанскому генерал-губернатору сношения Хивы с Бухарой, Кашгаром,

Кокандом и Афганистаном на предмет создания союза мусульманских владетелей против России. (Справедливости ради: инициатором переписки был не хан Хивы.) Не бездействовали и британские конкуренты.

С образованием Туркестанского генерал-губернаторства и захватом Самарканда, приведением в зависимое положение Бухары Хорезмский оазис оказался в окружении российских владений. Это само его положение в сочетании с дерзким поведением хана было новым вызовом империи и лично туркестанскому генерал-губернатору.

Осенью 1869 г. Кауфман направил хану Мухаммеду-Рахиму новое послание. Оно было составлено в более резких выражениях, чем предшествующее, и содержало напоминание о судьбе Бухары и Коканда, которые так же испытывали терпение русских властей, но были принуждены «жить в мире», поддерживать «добрососедские отношения» и, как специально подчеркивалось, предоставить российским купцам право свободной торговли на своей территории. В заключение генерал-губернатор откровенно грозил военным вторжением в пределы ханства. В том же 1869 г. началась негласная подготовка к военной экспедиции в хивинские пределы. Небольшие рекогносцировочные партии двигались по предполагаемым маршрутам походных колонн, собирая необходимые сведения о местности, главным образом о воде, корме для животных и топливе. Кауфман пришел к мысли о неизбежности военного решения хивинского вопроса, тем более что неразумный хан не только не ответил на новое послание, но и заточил в темницу передавшего его курьера. Будто намеренно, провинциальный князек, не имевший ни малейшего представления о событиях и отношениях в обширном и сложном цивилизованном мире, стремился вывести из терпения всесильного начальника Туркестанского края.

Хива мешала жить и другому Царскому наместнику, генерал-губернатору огромного Оренбургского края Н.А. Крыжановскому. В конце 1869 г. он направил в Петербург подлинники посланий хивинского хана, распространявшихся среди казахов Уральской области, в которых хан подстрекал их к вооруженным выступлениям против русских и в случае отказа от нападений на российские города и укрепления грозил уничтожить казахские стойбища. Крыжановский полагал, что без карательной экспедиции не обойтись.

«Расправа с Хивой, – пишет Герентьев, – назначена была в 1871 г. средствами Туркестанского округа». Так предполагали в Ташкенте, но

различные обстоятельства и события отложили расправу на более поздний срок.

Смелая идея Петра Великого повернуть Амударью в Каспийское море и проложить водный путь через всю Среднюю Азию, ради воплощения которой отдали жизнь Бекович и его сподвижники, вновь спустя полтора века овладела умами русских купцов и политиков. В апреле 1869 г. эта идея обсуждалась на специальном заседании Общества для содействия русской промышленности и торговле. После длительного и оживленного обсуждения участники заседания сошлись во мнении, «сколь важно упрочить наше положение в Средней Азии и закрепить за нашей промышленностью тамошние рынки». 14 мая того же года общее собрание общества постановило ходатайствовать перед правительством об открытии торгового пути от восточного берега Каспийского моря к Амударье и далее в Среднюю Азию. Представителям российского предпринимательства не было особой надобности искать лишние доказательства, чтобы убедить правительство в целесообразности овладения восточным берегом Каспия, поскольку такого рода предприятие обсуждалось в «сферах» еще в 1864–1865 гг. Тогда не дошли руки, теперь же мнение сторонников создания российского форпоста на восточном берегу в среде государственных мужей совпало с желаниями предпринимателей.

Зная настроения в правительственных и торгово-промышленных кругах империи, Кауфман отправил Д.А. Милютину в июне 1869 г. два письма с предложением высадить в Красноводском заливе десантный отряд и основать там русское укрепление. По мнению Кауфмана, высадка русских войск поможет оказать давление на Хиву. Туркестанский генерал-губернатор намекал, что в случае войны с Хивой расходы на овладение восточным берегом Каспийского моря смогут быть покрыты из контрибуции, которую следовало бы взять с Хивы. Военные соображения для Кауфмана, человека прежде всего военного, а уж потом администратора, были на первом месте.

Военный министр был солидарен с Кауфманом, но вопрос такой важности следовало обсудить, согласовать, «утрясти» и «увязать» с другими заинтересованными ведомствами, в первую очередь с МИДом. Письма Кауфмана попали к директору Азиатского департамента П.С. Стремоухову, от которого в скором времени в Ташкент пришел ответ. Реакция директора департамента была традиционной и очень характерной для российского дипломатического ведомства в годы, последовавшие за поражением в Крымской войне: казалось, что руководство МИДа пугается собственной тени. «Из Вашего письма я вижу, – писал Стремоухов, – что Вы смотрите на

Красноводск как на средство, облегчающее военную экспедицию в Хиву. Наше министерство и вообще правительство смотрит на него иначе, а именно как на новые ворота для нашей торговли и, в крайнем случае, как на благотворную угрозу или внушение Хиве. Нам было бы желательно, чтобы посредством этого пункта широко развилась торговля, которая своею выгодностью докажет Хиве пользу добрых к нам отношений, а в то же время глупый хан поймет, что и до него добраться теперь уже сравнительно легко. Не дай бог, чтобы нам пришлось идти войною и занимать Хиву; занять легко, а каково будет ее очистить, и неужели же и эту страну присоединить к империи?.. Я полагал бы вооружиться терпением и дать обстоятельствам более обрисоваться. Но ни в коем случае не думать о походе в Хиву и покуда не начинать с нею дипломатических отношений. Я убежден, что неминуемо, рано или поздно, хан пришлет к Вам посольство для объяснений».

Начальник азиатских дел предлагал ждать до тех пор, пока «глупый хан» не поумнеет. Как долго ждать? «Рано или поздно» хан возьмется за ум. Но не мог же тайный советник Стремоухов не знать историю русско-хивинских отношений? Ему наверняка было известно, что русские торговые люди требуют гарантий безопасности, которую российский МИД не в состоянии им обеспечить. Единственное, что он мог им предложить, – это «вооружиться терпением и дать обстоятельствам более обрисоваться». Каково было получить этот совет могущественному Кауфману? Хан не отвечает, хан дерзит, хан безобразничает, а вы терпите. А как же авторитет державы, его, Кауфмана, собственный авторитет, наконец? Плохо, видимо, знал Азию главный специалист по азиатским делам.

Вскоре Министерство иностранных дел заробело еще больше и убедило Императора отсрочить высадку десанта из состава войск Кавказского наместничества на восточном побережье Каспия, которая первоначально была намечена на август 1869 г. Стремоухов и Горчаков испугались не только Англии, которую боялись всегда, еще им представилось, что к протестам британского кабинета добавится гнев Персии, с которой в то время велись торговые переговоры.

Наместник Кавказа Великий князь Михаил Николаевич и К.П. фон Кауфман были возмущены: оба направили свои возражения на Высочайшее имя, правда в разных выражениях. Резкое письмо брата Царя возымело действие – Император разрешил десантировать войска в ноябре 1869 г. 5 ноября отряд под командованием полковника Н.Г. Столетова высадился на побережье Муравьевской бухты Красноводского залива, где и было основано

укрепление Красноводск. Протесты были, но их легко удалось отвести. Мидовские страхи оказались преувеличенными.

Узнав об успешном завершении Красноводской операции, Кауфман отправил в Хиву послание с требованием полного содействия русско-хивинской торговле и допуска в ханство российских купцов. Генерал-губернатор обвинял хана в подстрекательстве казахских племен к неповиновению российским властям, требовал отказаться от вмешательства во внутренние дела казахских жузов. Хан не удостоил начальника Туркестанского края ответом. В это время у него были основания вести себя вызывающе – волнения среди казахов усиливались, казахи просили у него помощи и даже прислали ему богатые подарки: 50 соколов, 100 иноходцев, 100 верблюдов, 50 белых войлоков.

В качестве ответных мер на высадку отряда Столетова и постройку Красноводска в самой Хиве соорудили башню с 20 пушками; перегородили плотиной и развели по арыкам главный фарватер Амударьи Талдык, чтобы русские пароходы не могли войти в него из Аральского моря; близ мыса Урге на Аральском море выросла новая крепость Джан-Кала; еще одно укрепление начали строить в урочище Кара-Тамак. Для поддержания боевого духа своего ополчения хан воспользовался появлением в степях Хивы некоего турка, которого объявил официальным послом султана Османской империи, прибывшего с предложением союза и помощи от Блистательной Порты.

Кауфман был опытным государственным деятелем и хорошо знал нравы и обычаи правительственных сфер. Он последовал совету Стремоухова «вооружиться терпением и дать обстоятельствам более обрисоваться». Более того, генерал-губернатор Туркестанского края, генерал-адъютант, облеченный особым доверием Его Императорского Величества, среди среднеазиатских народов известный как «полуцарь», согласился унизиться. Он вступил в переписку с хивинским диван-беги (некто вроде министра иностранных дел), отправив ему 25 марта 1870 г. письмо с выражением удивления по поводу уклонения хана от непосредственных сношений. Требования предъявлялись все те же. Ответ последовал дерзкий.

«Видя из тона письма, что обаяние Красноводского отряда уже ослабело, – пишет Терентьев, – и что наша настойчивость и угрозы без поддержки их вооруженною рукою ничего не стоят в глазах хивинцев, генерал Кауфман представил военному министру свои соображения относительно совместных действий против Хивы со стороны Туркестана и Кавказа, чтобы решительным

ударом низвести Хиву с того пьедестала, на котором она стоит, кичась своей недоступностью и нашими прежними неудачными попытками вразумить ее».

В случае с Хивой снова и особенно наглядно проявились две противоположные тенденции российской колониальной политики. Центральные ведомства, МИД прежде всего, чьи чиновники полагали, что на берегах Амударьи к международной торговле и международным трактатам относятся так же, как на берегах Невы, Темзы и Сены, стремились обеспечить русские торговые интересы в Азии с помощью привычных договорных формулировок. Составили договор, определили ответственность сторон, – и можно жить спокойно. МИД, Министерство финансов и другие ведомства в Петербурге не желали территориальных приращений, зная, как дорого и хлопотно содержать колонии. Торговля, экономическое проникновение на новые рынки – да! Завоевание новых земель, их обустройство – нет! Так хотели бы вести дела в Петербурге. Практики колониализма на местах знали, что без вооруженного насилия азиатские рынки не удержать и безопасность отечественной торговли не обеспечить. К тому же надо иметь в виду, что директивы, как жить и что делать, сочиняли на берегах Невы люди сугубо штатские для людей сугубо военных, каковыми были наместники и генерал-губернаторы. Взаимопонимания не было.

«Расправа с Хивой» в 1871 г., как это намечали в Ташкенте и Тифлисе, не состоялась не только потому, что ждали реакции хана на строительство Красноводска, но и в связи с отвлекшей силы и средства от основного похода экспедицией в Китайский Туркестан. Восстание тюркских племен против китайских властей, начавшееся еще в 1864 г., грозило перекинуться на вновь присоединенные к России области, что заставило туркестанского генерал-губернатора выслать весной 1871 г. карательную экспедицию во главе с военным губернатором Семиреченской области генерал-лейтенантом Г.А. Колпаковским в район Кульджи. Вмешательством во внутренние дела Китая это вторжение можно считать лишь условным, поскольку китайские власти эвакуировали из района восстания этнических китайцев и не принимали никаких мер, чтобы сохранить за собой мятежный регион. С взятием Кульджи покорилась Российской империи и вся Куль-джинская область, возвращенная Китаю только через 10 лет. Такое продолжительное присутствие в Кульдже дало русским возможность ближе познакомиться с этой страной и с соседними с ней китайскими владениями к северу от Тянь-Шаня.

В течение трех лет (1870–1872) не прекращался активный обмен письмами между наместником Кавказа, двумя генерал-губернаторами –

туркестанским и оренбургским – и петербургскими министерствами. Кауфман писал Д.А. Милютину о необходимости поставить хана «в положение от нас вполне зависимое и тем положить прочное основание нашему полному господству в Средней Азии». Военный министр склонялся в пользу «энергического» поступка, полагая, что необходимо нанести «решительный удар, который мы так давно стремимся отсрочить даже в ущерб достоинству государства». В то же время Стремоухов не только увещевал Великого князя и генерал-губернаторов ждать, когда хан все поймет и осознает, но и разъяснял Милютину, что хан не так уж плох, а сообщения о враждебных действиях хивинцев во многом преувеличены и ложны. Под воздействием тех или иных влияний менялись и мнения Царя.

В конце концов пять лет спустя после вступления К.П. Кауфмана в его новую должность ему удалось получить Высочайшее разрешение на снаряжение антихивинской военной экспедиции, которая с самого начала стояла в плане его действий как начальника вновь завоеванного края.

Произошло это не случайно, а после тщательной дипломатической подготовки, в чем, надо отдать должное, была заслуга российского МИДа. Поняв, что Императору более импонируют силовые решения азиатских проблем, нежели долгие переговоры, Горчаков начал торг со своими постоянными партнерами и оппонентами из МИДа Ее Британского Величества. Главы дипломатических ведомств двух великих империй сторговались за счет «глупого хана» (выражение Стремоухова). Петербург признал за покровительствуемым британцами афганским эмиром Шир-Али право владеть провинцией Бадахшан, а Лондон, в свою очередь, согласился с российскими притязаниями в Средней Азии, и в низовьях Амударьи в том числе. Хан Хивы искал защиты у британской администрации в Индии, но там ему посоветовали удовлетворить требования русских и не раздражать их. Понял ли хан, что его участь решена?

И тогда в начале декабря 1872 г. в Петербурге собралось Особое совещание руководителей центральных ведомств с участием начальников Туркестанского и Оренбургского краев, заместника Кавказа и самого Государя. Пришли к выводу: Хиву наказать. Исполнителем приговора вызвался быть Великий князь Михаил Николаевич. Он резонно заявил, что снаряжение экспедиции с восточного берега Каспия обойдется дешевле, чем из Оренбурга и Ташкента. Сначала совещание с этим доводом согласилось, но опытные генерал-губернаторы обратили внимание Царя на большой риск такого предприятия: кавказские войска не имели опыта степных (скорее, пустынных)

переходов и могли не дойти до Хивы. Ради полной гарантии успеха решено было наступать с трех сторон силами трех военных округов.

Каждому из трех наместников хотелось возглавить экспедицию, так как необходимо было общее командование над тремя отрядами. Пользуясь своим великокняжеским статусом, наместник Кавказа заявил о намерении быть главнокомандующим экспедицией. На том и порешили.

Кауфмана обидели. Хива была азиатским, а не кавказским государством; все эти годы бросала вызов ему, а не Михаилу Николаевичу, сидевшему за морем; примыкала непосредственно к его владениям. То был его законный трофей, и он не хотел его упускать. Когда Главный штаб составил план операции, Константин Петрович сделал несколько замечаний. В числе прочих было два, недвусмысленно подводивших Царя к мысли назначить Туркестанский отряд главным (два других вспомогательными), а командующего Туркестанским округом – главнокомандующим всей экспедицией.

Во-первых, по мнению Кауфмана, «начальник того округа, на который возложится первая роль, должен лично присутствовать на театре действий». Это был верный ход: Великий князь, брат Императора, не захотел бы несколько месяцев бродить по безводным пустыням. Во-вторых, главный отряд должен быть самым многочисленным и лучше других вооруженным артиллерией. Такими силами и средствами располагали только туркестанцы. 12 декабря Александр II утвердил план Хивинской экспедиции, возложив главное командование на Кауфмана. Напутствуя, Император сказал: «Возьми мне Хиву, Константин Петрович».

Отряды трех округов предполагалось двинуть на Хиву с трех направлений: Кавказский – с запада, Оренбургский – с севера, Туркестанский – с востока. Сказать точнее, по плану Главного штаба в экспедиции должны были участвовать не три, а пять отрядов: Кавказский и Туркестанский составлялись из двух колонн каждый. Войска, дислоцированные за Каспием и на обширных просторах Туркестана, были разбросаны по гарнизонам, их предстояло собрать сначала в колонны, а затем в определенных пунктах свести в отряды.

Подготовка к походу началась в округах в разное время, позже других в самом удаленном – Туркестанском. Телеграф до Ташкента еще только тянули. По плану, однако, приготовления во всех округах должны были быть окончены к концу февраля 1873 г. Двигаться до Хивы всем отрядам предстояло главным образом по пустыне. При этом Оренбургскому отряду нужно было преодолеть

1400 пустынных верст, кавказцам – более 800, туркестанцам – более 1000. Контрольным сроком сбора всех отрядов назначалось 1 мая 1873 г.

Относительно участи Хивы в утвержденном Царем документе было записано: «По наказании Хивы владения ее должны быть немедленно очищены нашими войсками». Учитывалось, что план похода неминуемо станет известным британскому кабинету, для того и было включено успокаивающее англичан категорическое заявление.

На все предприятие казна ассигновала около миллиона рублей – сумму по тем временам немалую. Ожидалось, что частично ее удастся компенсировать за счет контрибуции.

Прошло более двух месяцев, и отряды были сформированы в следующем составе: Туркестанский – 5300 человек, Оренбургский – 3500, Кавказский – 4300 человек. Всего – 13 100 человек. При них: 20 тысяч верблюдов, 4600 лошадей, 56 орудий и 26 ракетных станков. Это была внушительная сила даже в масштабах Европейского театра военных действий. Кроме того, соединенному войску Кауфмана придавались для переброски войск по воде Аральская флотилия, включавшая два небольших парохода. В качестве представителей Царствующего дома (и контролеров) в поход отправлялись Великий князь Николай Константинович, князь Е.М. Романовский, герцог Лейхтенбергский.

Поход предстоял высшей категории трудности. К тому времени в России были известны и проанализированы труднейшие экспедиции французских войск в Египет и Алжир, а также английских в Индию и Афганистан, но и они не шли ни в какое сравнение с планируемой экспедицией в Хиву. Строго говоря, нужно было победить не хивинцев – противника заведомо слабого, а их могучего союзника – Великую степь, где лютые морозы и бураны зимой уничтожали ее коренных обитателей казахов вместе с их стадами. Летом степь превращалась в земное подобие ада: над головой раскаленное солнце, под ногами либо твердая растрескавшаяся почва, без воды и растительности, либо сыпучие, передвигающиеся пески. И вечная, всепроникающая пыль.

Памятуя о неудаче Перовского зимой 1839/40 г., к походу готовились основательно. Лучше других подготовились оренбуржцы. На этот раз выступать решено было в санях, а не на колесном транспорте; по всему маршруту были заготовлены казахские юрты – юламейки, провиант, сено и топливо; войска имели комплекты как зимнего, так и летнего обмундирования. Именно благодаря прекрасной экипировке и хорошему питанию, несмотря на

бураны и 30-градусные морозы, солдаты стрелкового батальона прошли по степи менее чем за месяц 1005 верст, оставив на промежуточных пунктах маршрута всего трех больных. Другие подразделения были подготовлены к походу не хуже – получали ежедневно в достатке мясо, чай, сахар, сушеную капусту.

Пехота Оренбургского отряда имела на вооружении игольчатые, заряжавшиеся с казенной части винтовки системы Карле образца 1867 г. Скорострельность и дальность стрельбы были удовлетворительными, но до совершенства им было далеко: длинные и тонкие иглы нередко ломались; при ударе прикладом о землю или при падении оружия происходил непроизвольный выстрел; в стволе скапливались несгоревшие клочья бумажной гильзы; пороховые газы иногда прорывались через затвор и били в лицо стрелка.

Верблюжий обоз был огромный и тяжело нагруженный. Офицеры везли не только разнообразное обмундирование, но и посуду, походную мебель, тащили по степи рессорные экипажи – собирались, видимо, с ветерком пронестись по привольным хивинским проспектам, имевшим в длину не более 50 и в ширину не более 3 метров.

Известие об экспедиции в столице Туркестанского края получили только 20 января 1873 г., то есть тогда, когда авангард Оренбургского отряда уже вторую неделю находился в пути. Официально подготовка началась с этой даты, но, как всегда бывало на Руси, по-взаправдашнему готовить поход ответственные лица округа стали после появления в Ташкенте 20 февраля начальника края.

Туркестанцы выступали в поход вооруженные лучше оренбуржцев – у них в руках уже были самые современные в то время скорострельные винтовки системы Бердана. Эти очень надежные и дальнобойные, хотя и однозарядные винтовки заряжались патроном, имевшим металлическую гильзу. Орудия были как гладкоствольные, так и нарезные, как медные, так и стальные. Нарезных было в два раза больше гладкоствольных. Восемь ракетных станков образовывали отдельную конно-казачью ракетную батарею.

Туркестанские офицеры также пожелали взять с собой разнообразный и объемный скарб, и распоряжением самого главнокомандующего экспедицией их потребности в комфортном походном быте были регламентированы выделением им определенного числа вьючных животных. Генералам определено было по три верблюда, штаб-офицерам – начальникам частей – по

два, штаб-офицерам – по одному и обер-офицерам – один на двоих. На трех верблюдах можно было унести около 2 тонн груза. Истинно генеральский размах.

Верблюды должны были нести боеприпасы, орудия, медицинские грузы – отряд имел хорошо снабженный лекарствами и укомплектованный врачами и фельдшерами (14 врачей, 29 фельдшеров) лазарет. Предусмотрены были для перевозки больных специально сконструированные носилки. Состояние здоровья людей в походе было особой заботой Кауфмана. По его инициативе разработали подробнейшие правила походного быта – всего 30 пунктов на 14 страницах. Это была инструкция для офицеров: «1) В начале похода, покуда еще не наступят жары, не поднимать людей ранее четырех часов утра, а с ночлегов не выступать ранее шести. С наступлением жаров поднимать до рассвета, чтобы успеть сделать переход до жара. 2) Наблюдать, чтобы люди пили чай по крайней мере два раза в сутки – утром и вечером, а если возможно, то и на привалах. Люди меньше будут пить сырой воды и тем избавятся от расстройств желудка и лихорадок. 3) Водку отпускать только в крайних случаях: в сырую погоду, после больших переходов, трудных работ. Не давать при подъеме с ночлегов и перед встречей с неприятелем (никаких «наркомовских ста грамм» времен Второй мировой. – Е. Г.). 4) Эшелонным начальникам заботиться о том, чтобы к безводным переходам или где, на ночлеге, предстоит пользоваться дурной водой, – все турсуки, баклаги и бочонки были наполнены водой... 5) В видах предохранения людей от вредных последствий быстрого перехода от дневного жара к ночному холоду наблюдать, чтобы люди вовремя надевали шинели. 6) Озаботиться, чтобы у каждого солдата была кошма для подстилки и крыши. 7) На ночлегах у колодцев с дурной водой ставить часовых и не давать людям брать из них воду. 8) Пищу варить два раза в сутки: после прихода на ночлег и перед выступлением».

Еще более подробно расписывалось, как сохранять вьючных животных и их грузы, как организовать движение эшелонов (отряд был разбит на эшелоны), как устраивать походные лагеря.

В разделе, касавшемся боевых действий, было категорически приказано максимально беречь патроны и снаряды.

При подготовке экспедиции Кауфман проявил себя и как военный инженер. По его собственноручным чертежам еще с 1871 г. на Волге и верфи Аральской флотилии изготовлялись железные понтоны; один понтон составлялся из четырех ящичков, свинчивающихся винтами. Каждый ящик весил от 80 до 100 килограммов; таким образом, восемь человек были в состоянии

легко поднять весь свинченный понтон и спустить его на воду. Сборка понтона занимала два часа. Паром, собранный из понтонов, нес 2 орудия и 16 человек. Понтоны, предназначенные для переправы через широкую Амударью, прозвали кауфманками. А в походе кауфманские ящики служили емкостями для водопоя верблюдов, лошадей и взятого на мясо, так называемого порционного скота. Напившись из кауфманок, верблюды несли их на себе дальше.

28 февраля в Ташкенте командующий экспедицией принимал парад войск Ташкентского гарнизона, выступающих в поход. Вместе с войсками, выстроенными в несколько линий, на площади в русской части города собрались почти все его жители, в том числе из так называемой туземной части. Погода была теплая, небо по-весеннему ясное, люди были радостно возбуждены. Коренные ташкентцы, то есть сарты, ничуть не возмущались, что русские идут громить их единоверцев.

Кауфман, придававший немалое значение представительской стороне своего губернаторства, как бы оправдывая прозвание «полуцарь», принимал парад максимально торжественно, в сопровождении большой, сверкающей орденами и золотым шитьем свиты. Во время парада был отслужен молебен с водосвятием. В завершение войска прошли церемониальным маршем.

Устроители парада имели целью не только поднять дух российского солдата, но и оказать моральное давление на далекого противника, до которого, несмотря на значительное расстояние и отсутствие какой-либо регулярной системы оповещения и связи, должен был очень скоро дойти слух о превосходном состоянии и мощном вооружении выступающих в поход частей.

1 марта ташкентские войска покинули город; шел дождь, что было хорошим предзнаменованием; правда, глинистые дороги очень скоро раскисли, и для туркестанских солдат началась тяжкие походные будни.

Маршрут Туркестанского отряда был проложен так, чтобы как можно меньше двигаться по территории Бухарского ханства: не хотели лишней раз раздражать пусть и полусамостоятельного, но все же властелина. В результате пришлось идти по необжитым местам. Кауфман и его ближайшее окружение были приятно удивлены, когда через несколько дней по выходе из Ташкента походную колонну встретила депутация от бухарского эмира, имевшая поручение от имени своего владыки выразить Кауфману дружеское расположение, полную готовность к услугам и пожелание успеха предпринятой экспедиции. Эмир просил передать генерал-губернатору свое удивление тем, что он избрал столь далекий путь в Хиву, когда бы мог пройти по заселенным

районам его ханства. Послы эмира также сообщили, что бекам тех бухарских районов, через которые лежал путь экспедиции, эмир строжайшим образом приказал подготовить фураж, топливо и воду для отряда.

Переход за переходом отряд одолевал среднеазиатские просторы. Весенняя погода сменилась холодами и буранами, дожди переходили в снегопады. Промокшая одежда замерзала и затрудняла движение усталых людей. Начался падеж верблюдов. Люди добредали до конца перехода и, к великому для себя облегчению, находили заранее заготовленные припасы – топливо и фураж. В тех случаях, когда солдаты останавливались на ночлег близ кишлака, местные жители устраивали возле лагеря импровизированный базар.

Наиболее легкая часть похода закончилась через две недели после выступления из Ташкента, когда часть отряда, с которой двигался Кауфман и члены Царствующего дома, достигла населенного пункта Темир-Кобук. С этого момента начался настоящий степной поход – здесь отряду предстояло свернуть в Кызылкумскую степь, с каждым шагом удаляясь от гор, от оседлого населения, самое главное – от живой воды рек и ручьев. Предстояло двигаться по пескам без проложенных постоянных путей. Бывали дни, когда ветер дул сутками, тогда поднимались пески: с большим трудом удавалось установить палатки, но и в них нельзя было укрыться от песка. Приготовленная в палатке постель быстро покрывалась толстым песчаным слоем. К тому же палатки, поставленные на песке, плохо держались, их срывало сильными порывами ветра.

Здесь закончился обследованный рекогносцировками прошлых лет отрезок маршрута – остальной путь до Амударьи был известен только по расспросам. К этому времени отряд вступил в беспредельное царство песчаных барханов. Те, кто прошел этот путь, потом признавались, как у них сжималось сердце при малейшем дуновении ветра. Легкий ветерок мог превратиться в сильный многочасовой ветер, способный поднять песчаные холмы в воздух и замести еле обозначенную караванную тропу. Такая возможность постоянно тревожила Кауфмана. Он самолично и по многу раз расспрашивал проводников и встречных кочевников о путях через пустыню, сопоставлял полученные сведения, то и дело собирал свой штаб. До него доходили также слухи о том, будто известный степной разбойник Садык, состоявший на службе хивинского хана (в советское время его называли вождем национально-освободительного движения), движется навстречу отряду, чтобы завалить или испоганить колодцы по маршруту до реки. Если бы это случилось, поход завершился бы результатом 1840 г. Срочно сформированный летучий казачий отряд был

послан навстречу Садыку, который ушел, не решившись встретиться с казаками в открытом бою.

Чем дальше отряд углублялся в пустыню, тем хуже становилась вода в колодцах; желудочные расстройства стали повальными. В плохую колодезную воду добавляли клюквенную и другие эссенции, однако запас этих снадобий быстро иссяк – пришлось привыкать к дурной воде, и, поразительным образом, привыкли. Месяц спустя по выходе из Ташкента в походном лазарете находилось всего трое больных: офицеры точно выполняли инструкцию своего главнокомандующего, за здоровьем солдат постоянно наблюдали врачи.

Праздник Святой Пасхи приходился в тот год на 7 апреля (ст. ст.). К этому дню отряд все еще был в пути. Лагерь разбили в овраге, что хоть как-то защищало людей от пронизывавшего холодного ветра. Священник А. Малов устроил походный алтарь в большой палатке, которая, однако, способна была вместить только часть старших чинов отряда. Солдаты плотной толпой стояли под открытым небом, усеянным чужими звездами, слушали заутреню и литургию. В первый, да, вероятно, и в последний раз, в том овраге, среди безмолвной пустыни совершалось самое торжественное православное богослужение. Когда раздалось пение солдатского хора: «Воскресение Твое, Христе Спасе», три ракеты, одна за другой, вычертили на непроницаемо черном небе три огненных дуги. Ночью, когда не видна унылая пустыня, при звуках с детства знакомых песнопений у солдат возникало ощущение далекого дома. Традиция была соблюдена максимально возможно – были даже крашеные яйца, которые своим людям раздавали командиры частей. Подрядчик купец Громов сумел доставить в отряд 8 тысяч яиц. Русские жители Ташкента прислали солдатам 16 пудов чаю и 24 пуда сахара.

Шатер командующего ярко светился. На совсем не по-походному сервированных столах стояли куличи, изысканные закуски, вина. Прием был дружеским и светским одновременно.

Утром делали визиты. От палатки к палатке, от кибитки к кибитке по нагромождению камней переходили офицеры, одетые по полной форме, в белых перчатках. Играла музыка. Изнурительный поход, враждебная, жестокая природа не дали забыть традицию, опуститься. Тон задавал командующий.

В овраге, среди пустыни, где встретили Пасху, было получено известие из Казалинска (бывш. форт № 1) о появлении в этом городе-крепости на Сырдарье хивинского посольства. Хан наконец выполнил требования туркестанского генерал-губернатора и прислал с посольством 21 русского пленного, а точнее,

раба, так как до начала похода военные действия между Россией и Хивой не велись. Услышав об экспедиции, хан решил остановить ее самым недорогим и примитивным способом.

В Казалинске посла не приняли и отправили в пустыню искать Кауфмана. Ханский посол, очень важная персона, в дорогом золотом халате, в сопровождении большой свиты двинулся догонять Туркестанский отряд. Посол не очень торопился, подолгу стоял на месте, дабы не потерять лицо, чтобы, не дай Аллах, кяфир не подумал, будто посол слишком суетится, оттого что боится его. Медленно поспешая, посольство догнало русские войска на четвертый день после того, как те взяли Хиву.

24 апреля объединенный Туркестанский отряд (в тот день колонна, вышедшая из Казалинска, соединилась с колонной, двигавшейся от Ташкента) достиг изобилующего водой урочища Хал-Ата, где заканчивался первый более или менее благополучный этап похода. Считая от Ташкента, позади осталось 660 верст, от Казалинска – 73. Между Хал-Атой и Амударьей лежал самый трудный, практически безводный отрезок маршрута. Если до Хал-Аты участники экспедиции терпели лишения, то теперь им предстояло выносить мучения.

В урочище Хал-Аты, когда-то обитаемом, было построено укрепление имени Святого Георгия. Все сделали по правилам инженерного искусства. Соорудили брустверы, склады, отрыли траншеи для стрелков, оборудовали орудийные позиции и даже возвели на самой вершине холма сторожевую башню, на которой развевался российский флаг. В укреплении оставили роту солдат и многие грузы, которые не было никакой возможности дотащить до вожденной реки. Взяли воды столько, сколько могли вместить все водоподъемные средства, и в страшную жару тронулись в путь неизвестной протяженности.

Медленно, ровным шагом идут белые фигуры, крупные капли пота скатываются с обожженных лиц, ноги тонут в песке, голову напекло; каждый обвешан мешками, бутылками и манерками с водой; винтовки невыносимо тяжелы, натирают плечи; штыки сверкают на солнце; мысли путаются. В сущности, вся эта людская масса одержима одной думой: дойти до привала, напиться вдоволь. Так же медленно ползут орудия; лошади в мыле – тащить пушки им помогают солдаты. Верблюды идут в хвосте колонны, навьючены самым необходимым. Здесь и бочонки с водой и части кауфманских понтонов, саперный инструмент, штурмовые лестницы, сундуки, чемоданы, узлы, мешки

и мешочки, палатки, жерди, котлы, чайники и еще бог знает что. Верблюды устали. Падают и не могут встать. Скарб перевьючивают на запасных.

Люди тоже падают: «Пить, пить! Горит. внутри». Человека напоить и поднять проще. Обессиленные животные остаются в пустыне под солнцем.

Никакой жизни кругом, только ее жалкие остатки – кости лошадей, верблюдов, людей. И солнце, солнце без пощады. Но вот наконец оно садится. В сумерках роют колодцы. Привычная горько-соленая вода, но для походного чая годится.

Еще несколько переходов, и вода в колодцах перестала быть водой – это была какая-то густая, грязная, вонючая жижа, от которой отказывались даже верблюды.

1 мая, в назначенный день встречи всех отрядов, к Амударье не вышли. В этот день, вернее, в ночь отряд был поднят по тревоге. Туркмены выскочили из-за бархана совершенно неожиданно, открыли пальбу, но, встреченные залпами из скорострельных берданок, в лагерь не ворвались. Покружили на удалении, покричали и ускакали. Помешали спать до смерти уставшим русским солдатам, хотя и внесли некоторое оживление в однообразие марша.

В штабе считали, что через три-четыре дня мучения отряда закончатся, однако находиться в «стране смерти» пришлось еще 12 дней.

В эти дни Кауфман пребывал в состоянии величайшего напряжения. От других отрядов вестей не было. И хотя по Высочайше утвержденному плану отряды должны были сойтись близ Хивы и поступить в распоряжение командующего экспедицией, то есть ждать от него приказаний, Кауфман отлично понимал, что тот из отрядных начальников – будь то генерал-лейтенант Веревкин или полковник Ломакин, – чей отряд выйдет к столице ханства первым, обязательно проявит инициативу и кинется штурмовать Хиву, не дожидаясь его приказа. Тем более что именно такие негласные указания и тот и другой получили от своих непосредственных начальников – оренбургского генерал-губернатора и наместника Кавказа. Когда же дело будет сделано, победителя судить не станут, да и оправдаться победителю не составит труда: «Хан первый начал». В таком случае главнокомандующему останется только подписать Русско-хивинский трактат. Утешительно, но приз достанется другому.

Победа из чужих рук? Кауфман был человеком амбициозным и не мог этого допустить, а потому спешил. Спешить заставляла и с каждым днем усиливавшаяся жара.

По непроверенным сведениям, до Амударьи могло быть верст восемьдесят – сто, но уже стало ясно, что двигаться со всем своим огромным обозом отряд не сможет. Много верблюдов пало, оставшиеся заметно ослабели. На одной из стоянок жгли и закапывали «лишние» вещи – шинели, сапоги, кибитки, котлы, саперный инструмент и т. п. В отчете о судьбе инженерного парка, например, по окончании похода написали: «Поломано на работе». Чиновники в центральных ведомствах другую формулировку не приняли бы. На весь огромный отряд осталось 10 молотков и 150 лопат для земляных работ. Запас обмундирования сохранили минимальный.

Терентьев пишет: «Кауфман чуть не погубил отряд». Основания для такого заявления были. Ради сокращения пути на 20 верст выбрали совершенно безводный маршрут. И вот они шагают, растянувшись колонной на 5–6 верст, под немилосердным солнцем, которое уничтожает даже взятые с собой запасы воды: бочки рассыхаются, бурдюки лопаются, драгоценнейшая вода поливает мертвый песок.

Верблюды продолжают падать, и приходится уничтожать необходимые вещи. Речь зашла даже о том, чтобы бросить всю артиллерию вместе с боезапасом, но такую крайность военный совет отверг.

Наступил момент, когда припасенной воды осталось всего на полтора дня. В части был направлен приказ: растянуть на три дня, но никто не знал, сколько же впереди этих дневных переходов, а пока «только пыль, пыль от шагающих сапог».

Саперы пробовали рыть колодцы на авось, но безуспешно. Глядя на их отчаянные старания, один из погонщиков верблюдов, некий казах Тюстю-бай, вспомнил, что верстах в десяти в стороне имеются хорошие колодцы. Колодцы были очень глубокие, причем три из шести оказались засыпанными, когда же их стали раскапывать, то обнаружилась военная хитрость противника: туркмены закрыли колодезные стволы сучьями и присыпали землей. Неужели обитатели пустыни стали бы засыпать колодцы, без которых сами не смогли бы просуществовать сколько-нибудь долго?!

К новонайденным источникам воды люди и животные добрались за ночь, изнывая от жажды. Жажда победила дисциплину, которая до сих пор не позволяла боевому отряду превратиться в толпу. Солдаты не слушали команды,

давили друг друга, рвались к воде. Лошади срывались с коновязей и мчались к колодцам, а когда их отгоняли, нападали на бочонки и бурдюки с водой, проносимые мимо них, лизали мокрую землю возле колодцев, глотали мокрый песок. Так же вели себя и другие животные.

Саперы с трудом добывали воду с большой глубины, да и вода вскоре стала иссякать. Это известие усилило панику. Караулы, выставленные у колодцев, не могли сдержать напора жаждущих – их сбивали с ног. Многие солдаты уже лежали без сознания под ногами своих товарищей; то и дело вспыхивали драки. Если бы туркмены и хивинцы увидели, во что от безводья превратились непобедимые русские воины, они уверовали бы в свою победу и могли бы воспользоваться благоприятной ситуацией. К счастью для русских, противника поблизости не было, он упустил свой случай.

То был самый критический, кризисный этап Хивинского похода. Впереди лежал неразведанный и почти наверняка совершенно безводный отрезок маршрута. Идти вперед на весьма вероятную гибель или поворачивать назад? Перед такой дилеммой оказались командующий экспедицией К.П. Кауфман, начальник Туркестанского отряда генерал-майор Головачев, начальник полевого штаба экспедиции генерал-майор В.Н. Троицкий и командиры частей, составлявших отряд. Было это 3 мая в местности под названием Алты-Кудук.

Участник похода Ф.И. Лобысевич рассказывает об этом непривлекательном пункте на евразийских просторах: «Трудно, невозможно себе представить что-либо угрюмее, безотраднее, печальнее местности, на которой мы заняли позицию вокруг алты-кудукских колодцев. Это целый лабиринт песчаных холмов с полным отсутствием какой бы то ни было жизни, малейшего признака движения. Глухая страшная мертвенность царит кругом и около этого обездоленного пространства. Над ним воздух густой, удушливый; какая-то постоянная, непроницаемая мгла застилает небо. По ночам страшная духота, а когда с раннего утра выкатится на небо огненный шар великого царя природы, тогда начинается невыносимое, совершеннейшее пекло. Человеческое тело, даже без движения, постоянно все в испарине; организм ослабевает и страшно истомляется. Вечером слегка отдает, по крайней мере не жжет сверху, зато духота еще сильнее ощущается; легким недостает воздуха».

Впереди отряд наверняка ожидало такое же огромное «обездоленное пространство».

Спасительная идея пришла в голову скромному офицеру, подполковнику Тихменеву; быть может, ее подал ему кто-то из его подчиненных.

Окончательно сформулировал и сообщил командующему эту замечательную идею, как и положено, начальник штаба генерал Троцкий. Предлагалось всех животных (верблюдов, лошадей, ослов и баранов), навьючив их только емкостями для воды, отправить назад за 25 верст в урочище Адам-Крылган, где в 17 колодцах имелась в изобилии хорошая вода; там их напоить, дать им отдохнуть, наполнить водой все бочонки, бурдюки и баклаги и вернуть караван к отряду, который к тому времени должен быть готов к выступлению.

Когда ушла много пьющая скотина, люди сумели поднять для себя достаточно воды и утолить жажду, а на лагерной стоянке в урочище Адам-Крылган уже к вечеру 5 мая вырыли дополнительно 43 колодца, то есть проблема воды была решена.

На рассвете 6 мая все тот же Садык с полутысячью туркменских наездников напал на лагерь Адам-Крылган, имея целью угнать верблюжье стадо. Все-таки неприятельская разведка сработала, но Садык опоздал: с утолением жажды были восстановлены воинская дисциплина и управляемость войском. Стрелки залегли за барханами и хладнокровно расстреляли нападавших, дело довершили несколько метко пущенных ракет и кавалерийская атака. Неделю спустя выяснилось, что назад в хивинские пределы вернулась лишь половина всадников Садыка. Не столько русские пули и сабли, сколько потеря запасов воды во время бегства и жара погубили детей пустыни.

Несколько дней отряд стоял в лабиринте алты-кудукских холмов, дожидаясь возвращения каравана водоносов, и, как это бывает, даже среди «страшной мертвенности» наладился привычный гарнизонный быт. Солдаты постепенно оправились от шока, произведенного жарой в сочетании с безводьем, запели, по своему обыкновению, и начали плести сети, готовясь к встрече с «вольной водой», а офицеры в ставке командующего организовали «клуб», куда являлись с собственной бутылкой воды каждый; обменивались «новостями», играли в карты и слушали музыку 3-го стрелкового батальона – там собрались лучшие музыканты.

7 мая свершилось самое радостное за два месяца похода событие: казах-лазутчик, посланный разведать хивинские силы, собравшиеся у переправы через Амударью, чтобы загородить путь Туркестанскому отряду, принес не только развединформацию, но и пучок камыша с берега Амударьи. Этот камыш стал причиной радостного возбуждения всего лагеря, и уж никто не сомневался, что теперь удастся дойти до великой реки. Камышинки разобрали в мгновение и спрятали в заплечные мешки.

Когда вернулись с водой лошади и верблюды, выяснилось, что вьючных животных осталось так мало, что не стоило и пробовать забрать в последний пустынный переход все грузы. Немалая часть грузов осталась на месте под охраной двух стрелковых рот и артиллерийской батареи. Для оставленных это было тяжелым ударом: не судьба им была увидеть являвшиеся во сне живую реку и таинственную, неприступную Хиву.

Последний переход целиком состоял из подъемов и спусков. Вдоль берега тянулись гряды песчаных увалов, и чем ближе к реке, тем выше и выше. С натугой люди и вьючные животные преодолевали эти преграды природы под солнцем, разогревшим воздух до 45°. Полуживые поднялись на третий кряж и сквозь раскаленную дымку, повисшую над увалами, увидели главный ориентир, на который был проложен маршрут чинами штаба.

Впереди виднелись три холма Уч-Учак, за холмами текли мутные воды Амударьи. Над пустыней к холмам понеслось «ура!».

До холмов Уч-Учак оставалось 15 верст. В бинокли разглядели также облако пыли и под ним огромную массу конных людей. Хивинское воинство вышло встречать потрепанное суровой природой русское войско. Неприятельская конница расположилась на барханах полукружием, растянувшись версты на две, и, судя по энергичному гарцеванию, была настроена решительно.

Теоретически расчет хивинских стратегов был верен. Русские выходят из пустыни, деморализованные многодневными безводными переходами; известно, как много предметов экипировки они уничтожили или бросили позади; отряд ослаблен и тем, что оставил на прежних биваках значительные команды. Два с половиной месяца солдаты шагали по замороженным, а потом раскаленным степям и пустыням, и теперь они должны были еле волочить ноги. Превосходящие хивинские силы вполне могли остановить, растоптать и порубить эту группу весьма непрезентабельно выглядевших людей.

Было уже около шести часов вечера, солнце близилось к закату, а потому решили остановиться на ночлег. Лагерь организовали по обычной схеме: на самой дороге и по сторонам ее поставили орудия, прикрытые на флангах двумя ротами пехоты. Орудия со стрелками прикрытия образовали передний фас каре. Прочие фасы каре заняли гребни барханов, обоз и остальные войска устроились в котловине, защитившись тем самым от выстрелов неприятеля.

С приближением темноты хивинцы окружили русский лагерь со всех сторон – следовало ожидать массированной атаки, исход которой мог быть

непредсказуемым. Организованного нападения, однако, не случилось. Лишь отдельные смельчаки, таясь, приближались к лагерю, но натыкались на секреты, в которые были назначены лучшие стрелки, и те меткими выстрелами выбивали их из седел. Редко кто из нападавших вернулся к своим. То там, то здесь по всему периметру каре сверкали огоньки одиночных выстрелов. Эхо стрельбы далеко разносилось над мертвой пустыней. Несколько раз по скоплениям неприятельской конницы ударили из орудий. Разрывы гранат посеяли в хивинском стане панику и уменьшили число желавших «затоптать» русских.

Наскоки отдельных хивинских всадников показали полное отсутствие какого-либо плана у нападавших. Русские стрелки и артиллерия вряд ли смогли бы остановить организованный штурм конной массы, которая, хотя и понесла бы большие потери, имела шансы смять русский лагерь. В 1873 г. у русских войск не было пулеметов – сверхоружия европейских колонизаторов 80—90-х гг. XIX в., косивших любого численно превосходящего противника в степях, пустынях и саваннах Азии и Африки. Знаменитый пулемет «Максим» появился на свет только в 1883 г.

Отказавшись от массированного нападения, хивинцы решили подавить русских психологически: с наступлением ночи на всем пространстве вокруг Туркестанского отряда зажгли тысячи костров, что должно было создать впечатление несметной силы, собравшейся уничтожить на рассвете самонадеянных пришельцев.

Как только забрезжило, в русском лагере протрубили подъем. Солдаты вьючили верблюдов торопливо, ощущая близкую опасность. Кауфман подъехал к каждому подразделению, поздравил с первой встречей с неприятелем, предупредил не тратить попусту патроны и снаряды, не увлекаться преследованием врага, соблюдать стройность и порядок марша, иметь в виду главную цель – выход из песков к «вольной воде». В том и был просчет хивинского командования (если оно существовало), что оно рассчитывало утратить русских многочисленностью своего войска и заставить отступить. Но куда? В пески? Для русских солдат пески были страшнее всей хивинской рати, и они, пострадавшие от жажды и жары, любой ценой готовы были пробиваться к реке.

Охраняемая с фронта, боков и тыла цепью стрелков, колонна двинулась в путь. Противник снова прибег к методу устрашения – хивинцы трубили в длинные, издающие ужасные ревущие звуки трубы, по-звериному кричали «ур-ур», визжали и гикали, неслись лавой, угрожая смять пешего и конного, но

залпы стрелковых взводов остановили даже самых отчаянных, когда те увидели, как падают один за другим с коней лучшие наездники. Постепенно нападавшие приустили и стали действовать без воодушевления; они все еще продолжали кричать «ур-ур» и дуть в свои адские трубы, но без прежнего энтузиазма. Ружья у хивинцев были в основном фитильные, то есть совсем допотопные, и никакого вреда солдатам с более дальнобойным оружием причинить не могли. В конце концов защитники Хивинского ханства забыли про русских, которые почему-то не испугались их воинственных кликов, и в беспорядке поскакали к реке.

К восьми часам утра 11 мая отряд вышел из песков на твердую почву речной низины; запасы воды, взятой из 60 колодцев, остались до конца не израсходованы и были вылиты в прекрасное озеро Сардаба-Куль. Кауфман искренне благодарил своих солдат. Он объезжал части и повторял: «Перед такими войсками шапку надо снимать и кланяться».

На берегу озера стояли недолго: пили вдосталь, купались, с трудом заставляя себя выйти из воды. В тот же день, разогнав небольшие группы неприятельской конницы, русские подошли к Амударье. День 12 мая начался с благодарственного молебна, затем Кауфман награждал отличившихся на последнем переходе к реке. Ликовали одинаково солдаты и офицеры. С нарочным в Ташкент ушла телеграмма Государю: «Войска Вашего Императорского Величества, составляющие головную колонну Туркестанского отряда, в числе десяти рот и шести сотен, при десяти орудиях и восьми ракетных станках, одолев невероятные трудности, поставляемые природой, в особенности на последней стоверстной жаркой, безводной, с сыпучими песками полосе, разбили хивинское скопище в числе 3500 человек, собравшихся у урочища Уч-Учак для преграждения нам пути к Амударье, и без всяких жертв и потерь благополучно вышли и стали твердою ногою 11 мая на реке Амударье. Неприятель в панике бежал. Состояние здоровья войск блистательное, дух их молодецкий».

Военные реляции, как известно, немислимы без преувеличений, и Кауфман не стал отступать от традиции. Впрочем, и преувеличил-то он в этот раз немного.

После земного ада безводной пустыни туркестанские войска вышли к райским местам речной долины. Здесь был прекрасный умеренный климат – не очень жарко днем и тепло ночью; воздух был влажный, ветры – освежающие. Берега блуждающей Амударьи – река постоянно меняет свое русло – поросли сочной травой, низким кустарником, осокой, камышом.

Любому в отряде, от командующего до погонщика верблюдов, стало ясно, что фактически дело сделано, цель достигнута, несмотря на то что не только Хива, но и ни один из кишлаков ханства не был покорен; однако это было дело времени, которое, как и пространство, оставшееся до ханской столицы, находилось в их власти.

Теперь первоочередной задачей Кауфмана было установить связь с другими отрядами. Двум отрядам и в Аральскую флотилию с джигитами, то есть доверенными казаками, были посланы предписания; их получили только командир Оренбургского отряда Веревкин и начальник Аральской флотилии Ситников.

Не один раз на подступах к Хиве ханские сарбазы пытались остановить туркестанцев. Так, напротив места, самого удобного для переправы русского войска через Амударью, хивинцы возвели укрепление, оснащенное несколькими орудиями. Первыми из этих орудий были обстреляны командующий экспедицией и два члена Царствующего дома, совершавшие глубокую рекогносцировку. К счастью, в хивинском арсенале не было гранат, и потому по людям били чугунными ядрами, годными только для пробития брешей в крепостных стенах. Такими же ядрами хивинцы обстреливали гребную флотилию, которую солдаты и казаки составили из трех кауфмановских понтонов и захваченных у неприятеля больших лодок-каюков. Эта флотилия, нагруженная отрядным имуществом, плыла вниз по течению, в то время как войска практически налегке двигались параллельно вдоль берега. Обстрелы были совершенно неэффективны, тем более что русская артиллерия сумела довольно быстро вывести из строя несколько хивинских орудий, а главное – не позволила орудийной прислуге неприятеля собираться вокруг пушек.

По мере продвижения отряда к намеченной переправе Кауфман проводил разъяснительную кампанию. В ближайшие к переправе поселения были разосланы прокламации, в которых объявлялось, что главный начальник русских войск идет войной не против мирных жителей края, а лишь ради наказания хана и его окружения, искони действовавших враждебно против России и угнетавших хивинский народ, а потому жителям предлагалось оставаться в городках и кишлаках и не бросать свое имущество. Всем гарантировалась безопасность. Прокламации распространялись через специальных посланцев и отпущенных на волю пленных. Впоследствии бывшие пленные часто возвращались в отряд и охотно оставались при войсках

добровольными проводниками, посыльными, помощниками по провиантской части. И оказались вполне надежными людьми.

18 мая туркестанские части начали переправляться на левый берег Амударьи напротив города Хазарасп. Главной помехой оказалось быстрое течение; противник почти не беспокоил, как бы желая лишь обозначить сопротивление. Переправа заняла пять дней. Наконец-то отряд попал на территорию Хивинского оазиса. Самое таинственное из среднеазиатских ханств открылось русскому взору.

Солдат и офицеров поразили прежде всего богатые сады, которые тогда тянулись от реки до самой столицы ханства, а также великолепно возделанные поля и огороды, густые тенистые рощи, виноградники, широкие арыки, пруды со свежей прозрачной водой. Историк Хивинского похода Лобысевич пишет: «Все участвовавшие в рекогносцировке были поражены, войдя в район садов, созданных богатыми результатами трудов человеческих рук, и после продолжительного скитания по степям всем казалось, что они переступили границы рая. Поля были возделаны с такой тщательностью и чистотой, которые не случалось видеть в других частях Средней Азии. Все здесь показывало трудолюбие и порядок. Существует мнение, что все, сделанное в ханстве, составляет исключительно результат тяжелых трудовых дней 40 тысяч персидских рабов, освобожденных от ига рабства с приходом нашим в Хиву. Это мнение не вполне верно. Конечно, 40 тысяч человек рабочей силы было большим подспорьем в экономическом быте хивинского населения; тем не менее хивинцы и сами по себе, а особенно узбеки, оседлое население, чрезвычайно трудолюбивы и с замечательной тщательностью и старанием занимаются обработкой своих земель. Прекрасно возделанные поля и пашни узбеков, напоминающие поля Северной Италии, составляют плод и результат усиленных трудов и работы непосредственно самих узбеков».

Поразили разветвленная оросительная система и обилие воды в ней; одновременно русские офицеры удивлялись, почему хивинцы не разрушили многочисленные мосты через широкие арыки, похожие порою на судоходные каналы. Если бы они это сделали, экспедиция столкнулась бы с огромными трудностями при продвижении к Хиве.

К 20-м числам мая резко ухудшилось продовольственное снабжение отряда – практически кончились сухари, не стало мяса и даже конины, которой питались последнее время. В то же время русские повсеместно заставляли пустые дома, брошенные сады и поля. По приказу хана его слуги согнали местных жителей в Хиву, чтобы защищать ханскую крепость, а их жилища и

имущество разорили и разграбили. Русские могли повторить ту же практику и забирать в свою пользу все, что найдут для себя полезным, но был строжайший приказ Кауфмана: «Я строго воспрещаю обижать мирное население и брать у него что-либо бесплатно и произвольно. Я вполне уверен и рассчитываю, что собственно войска мне никогда не придется укорить в нарушении принятого мной по отношению к мирному населению права, которое я объявил жителям Хивинского ханства в моей прокламации к ним».

Как свидетельствует корреспондент американской газеты «Нью-Йорк геральд» Артур Макгахан, догнавший Туркестанский отряд 17 мая, приказ этот выполнялся неукоснительно: «Да, говоря правду, я и сам удивлен был сдержанностью русских и строгой законностью, руководившей всеми их действиями».

В 20-х числах мая установилась постоянная связь командующего с начальниками Оренбургского и Кавказского отрядов, а также с ханом Хивы. Выяснилось, что до места встречи оренбуржцев и кавказцев в городе Кунграде, на Амударье, добрались только войска, вышедшие из Оренбурга, и колонна полковника Ломакина из Мангышлака (побережье Каспийского моря). Красноводская колонна Кавказского отряда «сошла с дистанции» на полпути к реке, столкнувшись с теми же препятствиями, которые в начале мая встали на пути туркестанцев. Красноводская колонна полковника Маркозова вынуждена была вернуться назад, так как ей угрожала гибель в раскаленной безводной пустыне. На очень большом неразведанном этапе маршрута длиной 100 верст не было колодцев, и не нашлось ни одной светлой головы, которая подсказала бы иной выход, кроме попятного движения.

Кауфман напрасно волновался, ожидая, что подчиненные ему отряды из других округов значительно опередят его. Они так же страдали из-за отсутствия воды, теряли время на поиски колодцев и на отражение атак хивинской конницы, которая несколько раз попыталась задержать их продвижение, нападая на обозы и обстреливая из орудий. В результате соединенный Оренбургско-Кавказский отряд подошел к Хиве всего на день раньше Туркестанского.

Русские войска приближались к столице ханства, и все чаще к командующему стали приезжать посланцы от хана. Ханские послания выглядели по-детски наивными. Сначала владетель требовал, чтобы Кауфман убирался из пределов его ханства, и грозил ему страшной карой, но затем, когда отряд подошел к Хиве совсем близко, он резко изменил тон. Хан цветисто излагал свои дружеские чувства к туркестанскому генерал-губернатору и его

войску: он сообщал, что ждет их у себя, как дорогих гостей, и очень просит повременить три или четыре дня со вступлением в Хиву, чтобы он смог подготовить для них самое роскошное угощение. Содержание этого загадочного письма развеселило солдат и офицеров на целый день, шуткам и остротам не было конца, да и шагали люди быстрее – торопились к «роскошному застолью».

И все же предчувствия Кауфмана не обманули. Подойдя к Хиве первым, генерал Веревкин не мог удержаться, чтобы не проявить инициативу; к тому же можно предположить, какое давление оказывали на него командиры частей, среди которых был подполковник М.Д. Скобелев.

Веревкин сообщил командующему, что 26 мая он станет в 10–12 верстах от Хивы, где и будет ожидать приказаний. Выдержки и верности своему слову ему хватило на один день. Утром 28 мая без предварительной рекогносцировки войска Веревкина двинулись в сторону Шахададских ворот Хивы и были встречены метким и плотным огнем хивинской артиллерии. Несмотря на то что несколько хивинских орудий солдатам Веревкина удалось захватить и многих сарбазов переколоть штыками, им все же пришлось залечь на кладбище за могилами, но это их не спасло от ружейного огня с городских стен и с крыши высокого медресе. Не зная состояния городской стены, в которой были проломы, и не имея штурмовых лестниц, русские отступили, оставив на месте боя своих убитых (впоследствии они были найдены без голов, с вспоротыми животами). Сам Веревкин был ранен в лицо и сдал командование своему начальнику штаба полковнику Саранчеву.

На следующий день, 29 мая, когда между командующим и хивинскими властями были оговорены условия капитуляции, Веревкин получил от Кауфмана записку: «Я полагаю с частью отряда и с войсками от вас войти в город и занять цитадель и ворота. Грабежа не должно быть. Нужна большая осторожность, теперь даже больше, чем прежде. Я беру ваши роты, орудия и кавалерию, чтобы они были представителями Кавказского и Оренбургского округов. Поздравляю Вас с победой и с раной, дай Бог скорее выздороветь».

Константин Петрович любил шутку, слыл острословом, да и, как свидетельствует все тот же Терентьев, каламбуры и шарады были тогда в моде в русском обществе Ташкента.

Веревкину ничего не оставалось, как смириться «с победой и с раной», однако с такой «победой» не мог смириться лихая голова – М.Д. Скобелев. Будущий герой Плевны и Шипки пробил узкую брешь в крепостной стене и с

двумя ротами двинулся к ханскому дворцу, имея приказ «стоять на месте и не лезть вперед». Веревкин грозит Скобелеву расстрелом, но тот отвечает: «Идти назад страшно, стоять на месте – опасно, остается взять ханский дворец». Он его берет, и пусть потом историки спорят, кто на самом деле захватил Хиву.

После самовольной выходки Скобелева Веревкин напишет командующему: «В Хиве две партии: мирная и враждебная. Последняя ничьей власти не признает и делает в городе всякие бесчиния. Чтобы разогнать ее и иметь хоть какую-нибудь гарантию против вероломства жителей, я приказал овладеть с боя одними из городских ворот, что и исполнено».

Хива фактически сдалась без боя. Если бы внутри ее стен была некая вооруженная враждебная партия, то она смогла бы, засев за глухими дувалами городских усадеб, нанести немалый урон и ротам Скобелева, и колонне Оренбургско-Кавказского отряда, которая утром 29 мая шла на соединение с отрядом туркестанцев. Враждебная партия находилась вне Хивы – это были туркмены-иомуды, к которым с приближением русских сбежал хан Мухаммед Рахим II. Своим многочисленным женам и рабам хан приказал следовать за ним, но возмущенный побегом своего владыки народ не выпустил женщин из дворца, собираясь подарить их победителям и тем умилоствовать последних.

В сдавшийся город передовая колонна российских войск входила торжественно, чеканя шаг, под звуки хорошо известного тогда даргинского марша, исполненного музыкантами Ширванского полка. Оренбуржцы выделялись безукоризненно чистым новым обмундированием, которое привезли за сотни верст в сундуках. Жители следили за этим маршем «белых рубах» настороженно; но постепенно они успокоились, увидев, что солдаты не разбегаются в стороны ради того, чтобы учинить грабеж и насилие. Зато ликовали и безобразничали сами себя освободившие рабы-персы.

Потом был традиционный смотр войск на небольшой площади перед цитаделью. То был звездный час невысокого лысого человека с веселыми голубыми глазами, который, имея 55 лет от роду, расстроенное на Кавказе здоровье, за три месяца прошел страшные безводные пустыни, деля тяготы со своими товарищами-подчиненными. Они не подвели друг друга. «Генерал Кауфман, – рассказывает Макгахан, – говорил о своих солдатах чуть ли не со слезами на глазах. По его словам, никакой другой солдат в целом мире не вынес бы то, чему русский солдат подвергся в этом походе. И я вполне разделяю его мнение на этот счет».

В полной парадной форме Кауфман выехал перед фронтом войск, построенных «покоем», и громким взволнованным голосом поздравил всех с победой, со славным походом, с достижением цели и именем Государя Императора благодарил солдат и офицеров за службу, труды и подвиги. Подтверждением права благодарить от Высочайшего имени были находившиеся рядом с главнокомандующим Великий князь Николай Константинович и герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский.

Он выполнил просьбу Государя, сделал то, что не удавалось его предшественникам.

И опять командующий объезжал войска, посещал лазареты, в которых содержалось 80 человек, поздравлял и благодарил людей, заслуживших великую благодарность и уважение.

30 мая была отправлена депеша на имя Императора о взятии Хивы. Нарочный повез ее в Ташкент, откуда по телеграфу, который к тому времени дотянули из Верного, ее должны были передать как телеграмму № 1. В тот же день в войсках отслужили панихиду за упокой Петра I – то был день его рождения – и воинов, погибших в походе.

Однако без сдачи беглого хана победа была неполной. К.П. Кауфману нужен был хан здесь, в Хиве, то есть хан униженный, с которым следовало заключать мирный договор. И Кауфман уговорил Мухаммеда Рахима вернуться, пообещав ему полную безопасность. Встреча победителя и побежденного состоялась 2 июня близ Хивы в тенистом Гандемианском саду, служившем хану загородной резиденцией. Эту встречу описал очевидец, единственный профессиональный журналист, находившийся в тот момент в Хиве, американец Макгахан.

В сопровождении свиты, одетой в богато расшитые халаты, хан появился в Гандемианском саду:

«Хан – человек лет тридцати, с довольно приятным выражением лица, когда оно не отуманивается страхом, как в настоящем случае; у него большие глаза, слегка загнутый орлиный нос, редкая борода, усы и крупный чувственный рот. По виду он мужчина очень крепкий и могучий, ростом в целых шесть футов и три дюйма (около 2 метров. – Е. Г.), плечи его широки пропорционально этой вышине, и, на мой взгляд, весу в нем должно быть никак не меньше даже семи пудов (более 100 килограммов. – Е. Г.). Одет он был в длинный ярко-синий шелковый халат; на голове была высокая хивинская баранья шапка. Смирненно сидел он перед генералом Кауфманом, едва

осмеливаясь поднять на него глаза. Едва ли чувства хана были приятного свойства, когда он очутился в конце концов у ног туркестанского генерал-губернатора, славного ярым-падишаха...

– Так вот, хан, – сказал генерал Кауфман, – вы видите, что мы наконец пришли вас навестить, как я вам обещал еще три года назад.

– Да, на то была воля Аллаха.

– Нет, хан, вы сами были причиной тому. Если бы вы послушались моего совета три года назад и исполнили тогда мои справедливые требования, то никогда не видели бы меня здесь. Другими словами, если бы вы делали, что я вам говорил, то никогда не было бы на то воли Аллаха.

– Удовольствие видеть ярым-падишаха так велико, что я не мог бы желать какой-либо перемены.

Кауфман рассмеялся:

– Могу уверить вас, хан, что в этом случае удовольствие взаимно. Но перейдем к делу. Что вы будете делать? Что думаете предпринять?

– Я предоставляю это решить вам, вашей великой мудрости. Мне же остается пожелать одного – быть слугой великого Белого царя.

– Очень хорошо. Если хотите, вы можете быть не слугой, а другом. Это зависит от вас. Великий Белый царь не желает свергать вас с престола. Он только хочет доказать, что он достаточно могуществен, чтобы можно было оказывать ему пренебрежение, и в этом, надеюсь, вы теперь достаточно убедились. Великий Белый царь слишком велик, чтобы мстить вам. Показав вам свое могущество, он готов теперь простить вас и оставить по-прежнему на престоле при известных условиях, о которых мы с вами, хан, поговорим в другой раз.

– Я знаю, что делал очень дурно, не уступая справедливым требованиям русских, но тогда я не понимал дела, и мне давали дурные советы; впредь я буду лучше знать, что делать. Я благодарю великого Белого царя и славного ярым-падишаха за их великую мудрость и снисхождение ко мне и всегда буду их другом».

Хан ничуть не лгал, когда говорил, что «не понимал дела и мне давали дурные советы». Только заняв Хиву, российские офицеры смогли разобраться в делах ханства и убедиться, что Мухаммед Рахим ничего не смыслил в государственных делах. Он ими просто не занимался, перепоручив проведение

и внутренней и внешней политики одному из своих приближенных, Мат-Мураду. Сам же властитель проводил большую часть суток в своем гареме, среди четырех официальных жен и сотни наложниц. Еще он охотился. Правитель независимого азиатского государства в конце XIX в. был чудовищно невежествен. Он ничего не знал об окружавшем его мире, не ведал, где какие страны расположены, не знал, как велико ближайшее соседнее государство – Российская империя, никогда не слышал о существовании Америки. Хан носил при себе золотые часы – подарок английского эmissара, но они показывали неверное время. Для него в диковинку были астрономические инструменты, которые ему демонстрировал астроном экспедиции.

На несколько часов энергичный американец превратился в «янки при дворе короля Артура» – он рассказывал хану о телеграфе, пароходах, современном вооружении. Хан верил и не верил. Ни о чем подобном ему никогда не говорили его ученейшие мудрецы-улемы, которые всю жизнь читали только Коран. Об этих мудрецах писал Вамбери: «Не менее мучили меня улемы города Хивы. Они желали, чтобы я, как представитель турецко-исламской учености, решил многие мезеле (религиозные вопросы). Как досаждали мне эти тупоумные. в своих колоссальных тюрбанах, когда заводили разговор о том, как следует мыть руки, ноги, лицо, затылок, как согласно со святой религией нужно сидеть, ходить, лежать, спать и т. д.».

Можно было посочувствовать молодому хану, которому приходилось общаться с этими унылыми религиозными догматиками.

Кауфман хотел понять, почему Мухаммед Рахим так легкомысленно относился к его предупреждениям о неизбежности русской карательной экспедиции. Ему удалось выяснить, что ханские советники уверяли своего владыку, будто слухи о таком походе возникали чуть ли не каждый год в течение многих лет, но ни разу не подтвердились, а потому не следовало обращать внимания и на письма начальника Туркестанского края. Оттого так поздно, кстати, хивинцы начали готовиться к отпору.

Константину Петровичу открылось еще одно важное обстоятельство: туркмены-иомуды подчинялись хану Хивы лишь номинально; более того, они фактически диктовали хану свою волю. Иомуды вели полукочевой образ жизни, промышляя грабежом. Они грабили оседлое население, в том числе и узбеков, составлявших земледельческое население оазиса. Без ведома хана иомуды захватывали персов-шиитов (их тоже считали неверными) и русских в пограничных районах, а затем продавали на хивинском невольничьем рынке. Время от времени хан собирал войско и шел на иомудов войной. Сарбазы

строили укрепления, устанавливали на нем пушки и ждали. Иомуды собирались вокруг такой крепости, носились с визгом и гиканьем, а орудия били по ним ядрами, не нанося всадникам никакого ущерба. Для иомудов то была большая потеха, род традиционных соревнований. Потом люди хана договаривались с туркменами, и все возвращались восвояси. Жизнь текла своим чередом, без каких-либо изменений.

Уяснив суть взаимоотношений хана и 175-тысячного племени иомудов, Кауфман пришел к выводу, что после ухода русских войск туркмены снова будут навязывать хану свою волю, а это значило, что поход не достиг своей цели. Командующий попробовал договориться со старшинами туркменских родов и потребовал от них прекращения набегов, но те не захотели его понять. Несмотря на требование русского командования и распоряжение хана, туркмены Хивинского оазиса не отпустили ни одного раба, отказались прислать продовольствие для русских войск.

Как обычно, с поверженного среднеазиатского ханства предполагалось взять контрибуцию, чтобы покрыть экспедиционные расходы, но не было никакой уверенности, что хану удастся получить с иомудов соответствующую долю контрибуции, а потому было решено сделать это до ухода всех отрядов. После совещания с ханом и его сановниками, которые дали сведения о состоятельности того или иного туркменского рода (эти сведения оказались преувеличенными), определено было взыскать с хивинских туркмен 600 тысяч рублей.

Н.А. Халфин, автор фундаментального труда «Присоединение Средней Азии к России», писал, что на туркмен наложили контрибуцию, «связанную с войной, к которой они не имели никакого отношения». Однако иомуды и другие туркменские племена были подданными хана Хивы, и именно они оказывали действенное сопротивление продвижению трех русских отрядов, а вовсе не мирные узбеки-земледельцы, которые тоже вынуждены были нести тяготы контрибуции.

Поскольку русские отряды собирались покинуть оазис в начале августа, срок сбора половины штрафных денег был определен всего в 15 дней. Заранее было понятно, что этот срок нереален.

Иомуды возмутились: все требования российского командования вели к разрушению их традиционной экономической деятельности, основанной, в частности, на подневольном труде рабов. Российские генералы рассчитывали, видимо, именно на такую реакцию, чтобы получить предлог для наказания

непокорного племени. Практически сразу же, как только туркменским старшинам был объявлен срок сбора денег – 6 июля 1873 г., появилось злосчастное предписание № 1167 генерал-адъютанта фон Кауфмана 1-го генерал-майору Головачеву. Впоследствии из-за этого предписания на Константина Петровича посыпались обвинения и проклятия мировой прессы, что наверняка сократило его жизнь.

В предписании говорилось: «Дабы ближе следить за ходом сборов с иомудов, прошу Ваше Превосходительство отправиться 7-го сего июля с отрядом в Хазават, где и расположить его на удобном месте. Если Ваше Превосходительство усмотрите, что иомуды не занимаются сбором денег, а собираются дать войскам отпор, а может быть, откочевать, то я предлагаю Вам тотчас же двинуться в кочевья иомудов, расположенные по хазаватскому арыку и его разветвлениям, и предать эти кочевья иомудов и семьи их полному и совершенному разорению и истреблению, а имущества их, стада и прочее – конфискации».

Получив предписание, Головачев назначил в состав карательного отряда 8 рот пехоты, 8 казачьих сотен, 10 орудий и 8 ракетных станков, то есть около 3 тысяч солдат и казаков.

Как и предполагалось, иомуды не могли собрать требуемую сумму за две недели, а потому наиболее состоятельная часть племени собралась откочевать в сторону Аральского моря. Через лазутчиков это намерение стало известно Головачеву, и он отдал приказ преследовать туркмен. В процессе преследования русские входили в туркменские селения, только что оставленные их жителями, постройки и скирды необмолоченного зерна предавали огню. Иомуды отстреливались от догонявших их казаков, вступали с ними в рукопашные схватки, бросали скот и арбы с имуществом, выпрягали лошадей и уходили налегке. «Преследование кавалерии, – сообщает Ф.И. Лобысевич, – продолжалось до большого озера у края песков. Здесь казакам представилась страшная картина: глубокий и быстрый проток был буквально запружен туркменами: молодыми, стариками, женщинами, детьми; все бросались в озеро от преследовавших их казаков, тщетно усиливаясь достигнуть противоположного берега. Туркмен погибло здесь до 2 тысяч человек разного пола и возраста; часть их утонула в самом озере, часть – в окружающих его болотах.

Казаками было пригнано в отряд 780 голов рогатого скота, 1609 баранов, 305 телят, 18 верблюдов, 3 лошади, 12 ишаков. Рогатый скот, бараны и телята розданы войскам в мясную порцию».

Это первое столкновение с иомудами произошло 9 июля. Как видим, выполнялась двуединая задача: утратить непокорных и добыть провиант для войск.

Кауфман был, видимо, обескуражен рвением Головачева, так как на следующий день после первой экзекуции он направил ему новое предписание: «Если жители не будут уходить с мест своего жительства, а займутся сбором контрибуции, Ваше Превосходительство, приостановитесь их разорять, а будете наблюдать за тем, что делается в их среде...» В том же предписании давался совет не усердствовать по части поджогов, поскольку фуражные запасы могут пригодиться.

Война с туркменами продолжалась десять дней; стычка следовала за стычкой. 15 июля иомуды, соединившиеся с родами гокленов, чаудоров, имралов и др., численностью около 10 тысяч человек, сами напали на отряд Головачева. Они подкрались к русскому лагерю затемно и ринулись в атаку, когда солнце только появилось над горизонтом. Хотя этот налет не был неожиданным, в русских рядах возникло замешательство. Совсем плохо показали себя тогдашние ракеты, которые рвались прямо на станках, нанося увечья самим «ракетчикам». Туркмены дрались с дерзостью отчаяния; подскакивая к самому фронту солдат по двое на одном коне, они спешили и, надвинув папахи на глаза, кидались на русских с саблями и топорами. Офицеры отбивались шашками, солдаты работали штыками.

В какой-то момент туркменские наездники на своих замечательных конях начали теснить казаков, и те не устояли. По словам Макгахана, находившегося на поле боя, то была страшная минута! Пронзительный звериный визг, звон клинков, храп коней, грохот орудий, ослепительные вспышки выстрелов, на доли секунды освещавшие ожесточенную схватку, – картина адская. Американцу показалось, что русские сейчас побегут, а он неминуемо погибнет.

Дело спасла пехота, вернее, две роты стрелков, которые отвлекли на себя внимание нападавших. Туркмены решили, что пешие солдаты – совсем легкая добыча, и понеслись на быстро строившуюся шеренгу. «Они (стрелки. – Е. Г.), – рассказывал журналист, – подходят беглым шагом, и движение их несколько напоминает движение заброшенного аркана. Офицер выстраивает их в боевую линию. Они выстраиваются, левая нога вперед, ружья наготове, через минуту раздается команда: «Пли!», и воздух с шумом и свистом пронизывает туча летящих пуль».

Стреляли почти в упор, хладнокровно, как на учениях. Прекрасные командиры рот, капитаны Бекман и Ранау, обладали огромной выдержкой, которую сумели передать подчиненным. Раздавалась команда «Клац!», и, если после этого кто-нибудь в нетерпении спускал курок, капитаны командовали: «Оставь». Следовал затем строгий вопрос: «Кто стрелял без команды?» Опять команда «Клац!», а затем «Пли!». Залпы получались безупречные, как на показательных стрельбах. Всадники валились из седел сотнями. Были и очень храбрые, прорывавшиеся сквозь строй стрелявших, но там, в тылу, они все погибли на штыках второй шеренги. После боя за фронтом стрелков обнаружили до 80 трупов туркмен.

К залпам первых двух рот присоединился такой же плотный огонь подоспевших к побоищу других рот стрелков; вскоре подключилась и артиллерия – атака, так энергично начатая, захлебнулась. С рассветом, гикая и завывая, но уже не так воинственно, как вначале, туркмены стали отходить, получая в спину картечь.

Потери туркмен были велики, но, поскольку они очень ловко умели подбирать и увозить своих убитых и раненых, точную цифру погибших в деле у селения Чандыр назвать невозможно; по показаниям местных жителей – где-то около 800 человек. Русские потеряли убитыми четверых, был ранен в руку генерал Головачев.

Ветераны туркестанских походов сошлись во мнении, что никогда еще их среднеазиатский противник не был таким отважным и настойчивым в нападении на регулярные части, как в бою 15 июля. В то же время это сражение стало отличной проверкой боевой выучки русских солдат, показавших образцы воинского мастерства и стойкости. Офицеры получили возможность узнать тактику самых лучших воинов Средней Азии – туркмен, обнаружить в ней органические пороки. Так, выяснилось, что туркмены, будучи прежде всего скотоводами, привыкшими угонять чужие стада, во время конной атаки отвлекаются на отсечение лошадей и вьючных животных, а это сводит на нет эффект внезапности их налета.

Обитатели затерянного в песках оазиса при всей их свирепости продемонстрировали детскую наивность. До выступления в поход карательного отряда Головачева у иомудов сложились вполне дружеские отношения с чинами Оренбургского отряда. Когда же Головачев пошел на них войной, иомуды обратились за помощью к оренбуржцам: «Мы поклялись с вами в дружбе и считаем себя вашими союзниками, но другое племя русских из

Туркестана затеяло с нами войну, и мы считаем, что вы должны помогать нам против них, как и мы стали бы помогать вам против ваших врагов».

Им, простым душам, еще предстояло узнать великую силу военного приказа, перед которой любая, самая крепкая клятва не могла устоять.

Преследование иомудов продолжалось еще два дня. Были стычки, перестрелки, снова жгли разный скарб, захватили несколько тысяч голов скота. Туркменское сопротивление пошло на убыль – урок был очень жестокий, но размер контрибуции пришлось сократить: где же было взять средства после такого разорения?

Деньги Кауфману были очень нужны. Поход тянулся пятый месяц, и в походной кассе образовалась пугающая пустота. Как всегда бывало в родном отечестве, первоначальная смета экспедиционных расходов оказалась липовой. После окончания Хивинского похода выяснилось, что разным лицам и частям войск недоплачено 145 411 рублей – сумма очень большая по тем временам.

Головачев и другие исполнители жестокого предписания № 1167 получили благодарность командующего и награды, самому же Кауфману пришлось расплачиваться душевным дискомфортом, собственным здоровьем, наконец. Сколько раз в течение нескольких лет после Хивинского похода Кауфман проклинал тот миг, когда в порыве раздражения написал: «Предать эти кочевья иомудов и семьи их полному и совершенному разорению и истреблению». Ну хотя бы не упоминал «семьи»!

Право же, наивные были времена, наивными были люди! Иомуды верили, что русский народ, как и туркмены, делится на племена и что некое «оренбургское племя» поддержит их в борьбе против некоего «туркестанского племени» русских, а опытейший военачальник и политик (чего стоил один только опыт его губернаторства в Северо-Западном крае) доверил бумаге жестокое распоряжение и надеялся, что оно пребудет втайне от всех, кроме единственного адресата. Пройдет лет эдак шестьдесят, и взаимопонимание между начальством, отдающим приказы, и исполнителями этих приказов достигнет такой высокой степени совершенства, когда можно будет изъясняться эвфемизмами типа «нейтрализовать» или «обезвредить» либо отдавать приказания в устной форме, даже по телефону, и они будут исполняться неукоснительно.

Кстати, во времена Кауфмана в среде государственных мужей весьма популярными были секретные циркуляры, скрывавшие истинные намерения авторов, но Константин Петрович отличался редким и для своей эпохи

прямодушием. В обращениях к местным правителям он выражался предельно откровенно. Например, так: «Я не трону тех, кто дорожит дружбой великой Русской земли, но горе тем, которые не поймут благодетельных видов миролюбивого Белого царя; войска Его Величества всегда готовы, по знаку моему, наказать беспокойного соседа, и никакие крепости, никакие вооружения не спасут тогда виновного». Такое заявление можно было проигнорировать, но невозможно было не понять.

Скандал разразился очень скоро: американский дипломат Скайлер, находившийся в то время в Туркестанском крае (как и Макгахан, добравшийся до Кауфмана под Хивой на свой страх и риск, он намеревался присутствовать при взятии Хивы, но был задержан русскими властями), сообщил в рапорте американскому посланнику содержание пресловутого приказа, и оно было затем воспроизведено в Красной книге официальных донесений американских дипломатических агентов. Газетчики, как им положено, разразились «неподдельным» гневом по обе стороны океана, в том числе и в России. Английские газеты, получившие нечаянный подарок, клеймили русских «гуннами» и «варварами». Все получилось ужасно неудобно и некстати – именно в это время российская пропаганда обличала турецкие зверства против южных славян.

Константину Петровичу пришлось объясняться и оправдываться, уверяя, будто употребил он жесткую формулировку единственно ради максимальной выразительности, не имея в виду буквального исполнения и надеясь на здравый смысл Головачева.

Были, однако, независимые наблюдатели, которые свидетельствовали не столько в пользу командующего экспедицией, сколько ради восстановления доброго имени русского солдата. Так в книге, которая вышла в свет вскоре после Хивинского похода, бесстрашный Макгахан написал: «Я должен сказать, однако, что случаи насилия против женщин были крайне редки; и хотя русские сражались здесь с варварами, которые совершили всевозможные жестокости над пленными, что в значительной мере могло бы извинить жестокость со стороны солдат, тем не менее поведение их было бесконечно лучше, нежели поведение других европейских войск в европейских войнах».

Схожее мнение высказал в печати другой иностранный очевидец сражений с туркменами, прикомандированный к штабу Кауфмана прусский офицер Штумм.

Несмотря на громкий общественный резонанс, операция против иомудов в русских военно-колониальных кругах была встречена с одобрением и стала в определенном смысле образцовой. Наказание иомудов в 1873 г. было всего лишь прелюдией к войне с другими туркменскими племенами, к которой исподволь готовились в военном ведомстве и Кавказском военном округе. Имея целью сбор разведывательной информации, ранней весной 1879 г. полковник Генерального штаба Н.И. Гродеков, участник Хивинского похода и будущий генерал-губернатор Туркестана, совершил поездку из Ташкента в Афганистан и Персию. Он собирал сведения о туркменах, методически разорявших пограничные районы этих стран. В обширном докладе на имя начальника Главного штаба Ф.Л. Гейдена разведчик сообщал, что победы над туркменами-текинцами можно будет достичь, если «действовать так, как действовали против иомудов туркестанские войска в 1873 году, то есть беспощадно истребить все попадающееся на пути и наложить на оставшихся от погрома тяжелую контрибуцию лошадьми и отчасти деньгами. Это будет одно из самых человеколюбивых дел нашего Императора. Туркмены – это черное пятно на земном шаре, это стыд человечеству, которое их терпит. Если торговцы неграми поставлены вне законов всех наций, то и туркмены должны быть поставлены в такое же положение. Что бы там ни писали Скайлер и К^о о жестокостях русских в иомудскую экспедицию 1873 года, во всяком случае приказ генерала Кауфмана об истреблении иомудов есть, по моему мнению, самый человеколюбивый акт, который когда-либо был издан, ибо он клонится к спасению и благополучию миллионов людей».

Гейден включил автора доклада в состав новой экспедиции против текинцев, одоблив тем самым его подход к туркменской проблеме.

Спустя много десятилетий Кауфман был снова, и не раз, заклеен советскими историками. В уже упомянутом труде Н.А. Халфин писал: «Зверское истребление туркмен и разграбление их кочевий, по мнению царских властей, должно было оказать моральное воздействие на хивинское население, подорвав в нем какое-либо стремление к сопротивлению, но фактически это был акт неоправданной жестокости, не находящей никакого объяснения».

Жестокость, однако, была проявлена только по отношению к племени иомудов, которое терроризировало мирных скотоводов и земледельцев, то есть «хивинское население». Как известно, Кауфман строго взыскивал с тех из своих людей, кто обижал мирных жителей. Узбеки-земледельцы, кстати, с

одобрением встретили сообщение о разгроме иомудов, оно их обрадовало, то есть действительно оказало «моральное воздействие». положительное.

Кауфман не был злодеем, совсем наоборот, это был человек весьма гуманный, просто он был верноподданным своего Государя в истинном значении слова. У него был приказ: обеспечить безопасность российских границ и торговли. Сделать это путем мирных переговоров ранее не удавалось. Придя в Хиву, Кауфман обнаружил, что наказывать следует не столько хана, сколько туркмен-иомудов, контролировавших хана. Надеяться на мирные переговоры с этим племенем не приходилось, так как иомуды не желали по собственной воле отказаться от веками сложившегося образа жизни, включавшего захват чужого скота и пленных для продажи в рабство. Кауфману выбирать было не из чего – оставалось принуждение военной силой, которое нежестоким быть не может. Если бы он этого не сделал, его поход в Хиву был бы напрасным делом. Таковы были реалии колониальной войны.

И еще одно обстоятельство: русские проявили жестокость по отношению к противнику воинственному и жестокому, имевшему к тому же ряд преимуществ – численное превосходство, великолепный конский состав, знание местности. Как и хан, туркменские старшины знали, что русские угрожают походом против них, а значит, могли подготовиться, хотя бы приобрести современные ружья. Однако они самонадеянно решили, что русские не дойдут до них, а если дойдут, то будут растоптаны их конницей, лучшей в Средней Азии. Отказавшись от подготовки к иноземному вторжению, они понесли большие потери.

Итак, расправа с непокорным племенем завершилась к удовлетворению хана Мухаммеда Рахима и узбекского населения оазиса. Хан и депутаты от торгово-земледельческого люда благодарили командующего. Хан, кстати, очень привязался к Кауфману, посещал его каждый день, найдя в его лице просвещенного наставника, которого был лишен в свои юные годы. Зная, что русские скоро уйдут, хан стремился как можно больше узнать и перенять от них. Он присутствовал на всех войсковых смотрах и учениях, с помощью русских офицеров и чиновников стал разбираться в запутанных и запущенных делах своего ханства. И это ему понравилось. От природы у него были явно хорошие задатки.

По настоянию Кауфмана хан подписал манифест об освобождении 40 тысяч рабов-персов; они давно ждали русских и теперь в большинстве покинули хозяев, сбились в шайки и стали мстить своим поработителям. Русское командование обещало вывести бывших невольников за пределы

ханства, что и было сделано, однако многие, так или иначе связанные с Хивой, остались и поплатились жизнью – иомуды не простили им своего поражения и вынужденного отказа от подневольной рабочей силы.

Отмена рабства и работорговли в Хиве была сильным пропагандистским ходом России в ее соперничестве с европейскими державами, в какой-то степени смягчившим негативные последствия иомудской экспедиции. Поощрительными статьями откликнулись даже британские газеты.

С достижением хивинских пределов нельзя было считать, однако, решенной задачу обеспечения российских интересов в этом регионе Средней Азии. Уйдут русские солдаты и казаки – и все вернется на круги своя: возобновятся грабежи, охота за рабами, работорговля. Требовалось постоянное российское присутствие. На запрос Кауфмана об отторжении в пользу России части хивинских земель на правом берегу Амударьи к началу августа в Хиву пришла (с нарочным из Ташкента) телеграмма с Высочайшим согласием. После этого можно было заключать мирный трактат.

12 августа 1873 г. в тенистом Гандемианском саду, близ города Хивы, был подписан договор между Хивой и Российской империей. Первым пунктом хан признавал себя «покорным слугой Императора Всероссийского», то есть правителем, лишенным статуса субъекта международного права. Границей между ханством и Россией становилась Амударья, что означало переход под российскую юрисдикцию всего хивинского правобережья. Сама Амударья, древний Оксус, превращалась в русскую реку: «Исключительное и свободное плавание по Амударье предоставляется только русским судам, а хивинские и бухарские допускаются только с разрешения русской власти».

Своим договором Кауфман закрепил за Россией не только правый берег реки, но и левый, хивинский. На том берегу русская власть получила право строить пристани и склады товаров, охрана которых вменялась в обязанность хану. Целых 7 из 18 пунктов договора касались привилегий русских купцов, получивших свободу торговать на территории ханства беспошлинно, без каких-либо ограничений, через своих представителей, на своих торговых местах, со своими складскими помещениями, подчиняясь исключительно российским властям. Русские торговцы, кстати, проявили значительную оперативность, оказавшись в Хиве со своими товарами чуть ли не на следующий день после вступления в город российских войск. Совсем не напрасно блюл их интересы командующий экспедицией.

Договор требовал от «ханского правительства» выдачи преступников, бежавших от российского правосудия, ликвидации рабства и работорговли. На ханство налагалась контрибуция в размере 2 миллионов 200 тысяч рублей, срок уплаты которой растягивался на 20 лет.

Еще до подписания договора, но сразу же после получения разрешения от Александра II, на правом берегу реки, напротив наиболее удобной переправы, было заложено русское укрепление Петрово-Александровск, гарнизон которого должен был контролировать ситуацию в ханстве, исполнение пунктов договора и при необходимости, как теперь сказали бы, корректировать события. Так надежно закреплялись результаты похода.

В полдень 12 августа трактат был подписан, а через два часа Кауфман выступил со своим отрядом из лагеря близ Хивы. Накануне депутация от хивинских торговых людей просила его не уходить из пределов ханства; того же, судя по всему, желал и хан. Он долго сопровождал отряд и только по настоянию командующего, прослезившись, простился с ним и его свитой и вернулся в свою столицу. Обаяние неведомого мира, иных отношений между людьми растревожило его молодую душу; его потянуло в далекий край, куда под звуки походного марша уходили новые знакомые, но у него на руках оставалось его ханство.

Можно смело сказать, что семимесячный поход в Хиву был беспрецедентным не только в русской военной истории. Ни одной из европейских армий Нового времени не приходилось так долго находиться в условиях безводной песчаной пустыни, преодолевать при этом огромные расстояния. Результатами похода, кроме надежного обеспечения интересов российского купечества, стали и другие выгоды: появился новый водный путь из Оренбурга через Аральское море по Амударье в Туркестан и далее, то есть Туркестан стал надежнее связан с империей; возникла возможность строить Закаспийскую железную дорогу, протянувшуюся на 1500 верст от Красноводска к Ташкенту.

Кауфмана-триумфатора Ташкент встречал 28 сентября 1873 г. (туркестанские войска все еще были в пути). В 4 верстах от города в роскошных шатрах был накрыт банкет, звучали подобающие случаю речи, а когда стемнело, был устроен фейерверк с вензелями генерал-губернатора и названиями его побед. Утром он въезжал в Ташкент через триумфальную арку; по пути стояли войска, держа ружья «на караул», и громким «Ура!» приветствовали покорителя Хивы. Весело играла музыка. Ничего лучше и

торжественнее ташкентцы не смогли бы придумать, если бы встречали даже самого Монарха.

По именному повелению на доске побед К.П. фон Кауфмана в Николаевском инженерном училище появилась надпись «Хива. 1873»; победитель хана и туркмен стал кавалером ордена Святого Георгия 2-й степени. Как обычно, после завершения очередной кампании он отправился в Петербург с докладом.

В 1875 г. к России были присоединены земли Кокандского ханства. В течение восьми лет Кауфман решил задачу создания обширного, внутренне замиренного и внешне защищенного колониального владения.

С момента учреждения Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. каждый год происходило приращение его территории, и к 1876 г. она увеличилась на 30 процентов, составив 5189 квадратных километров. Население края увеличилось почти вдвое – в 1876 г. на его просторах проживало 1 171 514 человек. Фактические размеры края были больше официальных, поскольку его составными частями можно было считать формально независимые, но реально управляемые из Ташкента ханства Бухарское и Хивинское.